
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А. А. КРОТОВ

ЭТИКОЦЕНТРИСТСКОЕ ЯДРО ФИЛОСОФИИ (О КОНЦЕПЦИИ ЛЮСЬЕНА ЛАБЕРТОНЬЕРА)

В статье анализируются представления одного из ведущих теоретиков католического модернизма о природе философского знания и смысле историко-философского процесса. Рассматриваются ведущие теоретические линии концепции Л. Лабертоньера: акцент на моральном измерении учений прошлого, тезис о противоположности логического детерминизма «животворному принципу» системы, типология философских подходов. Делается вывод о сильных сторонах историко-философской концепции Лабертоньера, а также о ее слабостях.

Ключевые слова: католический модернизм, французская философия, философия истории философии, Люсьен Лабертоньер.

The article analyses the ideas of one of the leading theorists of catholic modernism about the nature of the philosophical knowledge and meaning of the history of philosophy. The author examines the foundations of Labertonnière's conception including the emphasis on the moral dimension of the doctrines of the past, the thesis about the opposite of logical determinism and "life-giving principle" of the system, and on the typology of philosophical approaches. The author makes a conclusion about the strengths of Labertonnière's conception of history of philosophy, as well as its weaknesses.

Keywords: catholic modernism, French philosophy, philosophy of the history of philosophy, Lucien Labertonnière.

Католический модернизм представляет собой одно из важнейших явлений французской интеллектуальной культуры рубежа XIX и XX вв. Поиск оснований бытия, сопряженный с переосмыслением традиционных мировоззренческих установок, долгое время казавшихся абсолютно неизменными, представляет собой характер-

ную черту эпохи. Среди разнообразных попыток достичь нового синтеза, который вместил бы в себя опыт осмысления событий переломной эпохи, особое место занимают размышления о природе философского знания, о направленности историко-философского процесса и его этическом измерении, выраженные в творчестве Люсьена Лабертоньера.

Л. Лабертоньер (1860–1932) – один из ведущих теоретиков католического модернизма, оставивший заметный след в истории французской мысли XX столетия. Он учился в семинарии г. Буржа, в июле 1886 г. принял сан священника и в октябре того же года стал членом Оратории. Увлечение работой Мориса Blondela «Действие» (1893) сделало его приверженцем идей католического модернизма. Известность ему приносят уже первые труды, среди которых наиболее знамениты «Религиозная проблема» (1897) и «Теория воспитания» (1901). Он становится директором школы в Массийоне, а затем и коллежа Жюйи. В 1904 г. исследователь публикует работу «Христианский реализм и греческий идеализм». После прекращения преподавательской деятельности Оратории (1903) Лабертоньер принимает руководство журналом «Анналы христианской философии» (1905–1913). В 1913 г. вследствие постоянной критики его идей в религиозных кругах он подчиняется запрету публиковать что бы то ни было, последовавшему со стороны Рима. Изданные посмертно его многочисленные работы: «Исследования о Декарте» (1935), «Исследования о картезианской философии и первые философские сочинения» (1937), «Эскиз персоналистской философии» (1942), «Пангерманизм и христианство» (1945) и др. – уже не встретили официального осуждения со стороны католической церкви.

Л. Лабертоньер подчеркивал многомерность познавательного процесса. «Мы нуждаемся во всем, чтобы прийти к познанию истины. История, традиция, авторитет, все необходимо» [Laberthonnière 1931: 6]. При изучении человеческой природы не будет излишним обратиться и к истории философии.

«Исследования о Декарте», оставшиеся в рукописи и опубликованные Луи Кане в двух томах (1935), включают в себе определенную историко-философскую концепцию, которая с позиции сегодняшнего дня интересна прежде всего в отношении перспективы

ее использования академическим сообществом. Лабертоньер отмечал, что большинство людей, читая произведения классиков, вкладывают в представляющие глазу фразы смысл, сообразный с собственным опытом, «как если бы они сами их написали». Задача историка философии – понять исходный смысл, вложенный в текст автором в соответствии с культурным контекстом, его окружающим. Необходимо также осознать устремления автора, его подлинные цели, которые ставились при написании трудов, впоследствии признанных классическими. Далее, по мнению французского мыслителя, всякое философское учение ставит своей задачей придание смысла жизни. Ключевой пункт истории философии, ее важнейшая задача – уяснение того, какой же именно смысл придает та или иная доктрина человеческому существованию. По Лабертоньеру, всякое философское учение является «моральным произведением». Его вырабатывают, будучи погруженными в жизнь с ее многообразными страстями, запросами, непредсказуемыми поворотами. Напрасно думают, что философское учение следует рассматривать как совокупность абстрактных положений, связанных друг с другом исключительно логической цепью, опирающейся на исходные аксиомы или определения. В основе философских учений всегда, по Лабертоньеру, скрыт «живой росток», развитие которого образует целостную систему. Этот «росток» – своего рода ведущий принцип, пронизывающий, одухотворяющий всю систему. Даже когда философ стремится к математической точности, научной строгости, «внутренний логический детерминизм» его системы всегда, по сути, подчинен изначальному «животворному принципу». Историк философии обязан, анализируя философскую концепцию, обнаружить ее «животворящий» росток, тот «зародыш», из которого проистекает вся логика системы. Затем он должен тщательно проследить его развитие, приводящее в итоге, в большинстве своем, к некоей завершенной системе. Следует понять, как из исходного «состояния живой души», характеризующего искомый первопринцип системы, проистекает та или иная систематизация опыта, «данной» человеку реальности. «Философское учение есть моральный организм» [Laberthonnière 1935, t. I: 1]. Именно поэтому, согласно Лабертоньеру, истина, защищаемая той или иной системой, не может быть сугубо абстрактной. Притязая на истинность, система претендует на то, чтобы быть жизненной. Такого

рода притязания непременно должны быть оценены историком философии: «Следовательно, необходимо найти росток моральной жизни, который образует живой принцип учения; и, именно следуя детерминизму его развития, смогут отдать себе отчет в том, чего он стоит» [Laberthonnière 1935, t. I: 2]. История философии не является чисто описательной дисциплиной, она позволяет выработать взвешенное отношение к великим идеям прошлого. Ее важнейшая цель состоит в том, чтобы определить степень жизненности тех или иных воззрений. По мнению Лабертоньера, типы «животворящих принципов» философских систем, «ростки моральной жизни», их определяющие, не могут быть многочисленны. Строго говоря, их всего два: установка на жизнь ради временного и моральная ориентация на вечное. Такова данная в человеческой истории альтернатива; все же известные философские системы так или иначе представляют собой некоторые разновидности названных типов. Французский мыслитель говорил и о том, что иные учения – своего рода уродливые образования, «чудовища», способные к «некоторой жизни» (по-видимому, непродолжительной).

Взятые Л. Лабертоньером за основу принципы историко-философского исследования были обстоятельно развиты им на материале философии Декарта.

Картезианский дуализм, подчеркивает Лабертоньер, обыкновенно связывают с учением о разграничении души и тела. Но такое истолкование, на его взгляд, совершенно недостаточно, так как оно затрагивает лишь один аспект системы. В более общем смысле следует говорить о разграничении между субъектом и объектом. Отправляясь от принципа сомнения, еще ничего не разделявшего, Декарт приходит к открытию субъекта, а затем и объекта, который удваивается, распадаясь на горний и дольний. Объективное бытие представлено на уровнях мира и божественной субстанции. Поэтому правильнее говорить о двойном дуализме: между миром и мыслящим субъектом, между Богом и мыслящим субъектом. Три рядоположенные субстанции формируют видение реальности, характерное для учения Декарта. В данном контексте Лабертоньер утверждает, что систему Декарта правильнее было бы обозначать не как дуализм, а как «сепаратизм», жестко разграничивающий различные области бытия.

Опираясь на правила метода, выстроенные по образцу математики, Декарт стремился представить заключение о наличии трех субстанций как научный объективно-безличный вывод, безусловно с точки зрения здравого смысла доказанный. В действительности же, согласно Лабертоньеру, Декарт уже изначально предполагает именно то, к чему приходит впоследствии. Настаивая на необходимости применения процедуры радикального сомнения, он уже помещается на позицию субъекта, который мыслится в отрыве от всякой иной реальности. Изначально заданный центр перспективы определяет теоретический итог поисков – онтологический «сепаратизм».

Картезианская философия, по Лабертоньеру, вовсе не была совершенно новым, «абсолютным началом», хотя и декларативно стремилась к отождествлению с ним. В действительности неверно ее рассматривать как не имеющую корней в прошлом, не связанную с историей. Но именно так, подчеркивает французский мыслитель, было склонно рассматривать картезианство большинство предшествующих исследователей. Декарт, в сущности, одна из фигур в непрерывном историческом ряду. Конечно, признанием подобного факта не отрицается оригинальность мышления Декарта. «Но он родился, рос, формировался в определенной среде» [Laberthonnière 1935, v. II: 351]. Именно интеллектуальная среда, свойственная эпохе, как полагает Лабертоньер, определила картезианскую концепцию Бога. Эта же среда напрямую связана с формированием картезианской установки на овладение природой средствами науки. С другой стороны, используя понятия прежней философии (Бог, душа, материя), Декарт их существенно переосмысливает, поскольку применяет иной метод, помещает их в иную систему координат. «Во всяком случае... в то время как древняя и средневековая метафизика представляются как завершение, как увенчание физики, у Декарта именно физика завершает и увенчивает метафизику. И вот каким образом также, в то самое время как перспектива переворачивается, все понятия глубоко модифицируются» [Ibid.: 367]. Идет ли речь всего лишь о перестановке в порядке изложения наук? Нет, проблема касается принципиального вопроса об их значении для человека. «Физика... представляется уже

не как физика созерцания мира, – но как физика использования мира» [Laberthonnière 1938: 16].

Хотя Декарт отнюдь не избавился от всех идей, имевших значение для предшествующей философии, он придал им совершенно новое звучание. Оригинальность Декарта должна быть соотнесена с интеллектуальной, моральной и религиозной ситуацией его времени. Лабертоньер выделяет две задачи, стоявшие перед эпохой, на которую пришлось время философского творчества Декарта. При этом новизной отличалась не столько сама их направленность, сколько форма и способы поиска решений. Первая задача заключалась в предоставлении свободы интеллектуальной деятельности, стремящейся к созданию самодостаточной, независимой науки. Вторая задавала цель научных усилий, которая виделась в овладении материальным миром, с тем чтобы улучшить жизнь человеческого рода, расширить рамки ее возможностей. Именно названным потребностям эпохи как раз и отвечала система Декарта, они ее направляли и «оживляли», задавали вектор развития. «Можно было бы сказать в этом отношении, что вся философия Декарта есть, собственно говоря, апологетика науки, науки, понятой как средство для осуществления разумом своей автономии и для завоевания мира» [*Idem* 1935, v. I: 25].

При этом Декарт вовсе не стремился к отрицанию теологии, которую он, как полагает Лабертоньер, сближал и даже упрощенно отождествлял с религией. Для Декарта существовала пропасть между теологией и философией, ибо первая в его понимании охватывала область повиновения, вторая – свободы. В противоположность античной морали, призывавшей к жизни сообразно природе, Декарт видит цель в господстве над природой. Для Лабертоньера речь идет о новом эсхатологическом идеале, где роль Мессии выполняет наука, призванная способствовать появлению земного рая, своеобразной среды, которая позволяла бы реализоваться всем человеческим потребностям, надеждам, желаниям. Людям предписывается полагаться на свои силы; человек становится собственным спасителем, освобождая себя от подчинения необходимости, казавшейся древним мудрецам фатальной. Заметим, что Лабертоньер акцентирует внимание на тонкости, осторожности, изобретательности позиции Декарта. Автор «Рассуждения о методе» вовсе не

пытается прямолинейно заменить религию собственной мечтой покорения мира. Напротив, он намерен сделать религию предварительным условием выполнения своей философской мечты, настаивая на ее необходимости для человеческой жизни. Точно так же он говорит о важности решения вопроса о бытии и природе Бога для постижения физического мира. Но перед нами – своеобразное понимание религии. «Он остановился на том, чтобы видеть в религии не религиозную мысль, жизнь духа, но единственно и попросту догматическое учреждение, которое имело предметом регламентацию мысли и жизни» [Laberthonnière 1935, v. I: 63]. Получая подобное истолкование, религия оказывается включенной в общий замысел подчинения мира человеку.

Согласно Лабертоньеру, Декарт, в противоположность своим предшественникам, не восходит к небу, отталкиваясь от земли, но, напротив, использует небо, чтобы спуститься к ней: Бог необходим в его системе для того, чтобы гарантировать надежное существование мира. Обращаясь к Богу, он не останавливается на восхищенном созерцании, а спешит дальше, к земному бытию, направляя внимание на собственную душу и материальные вещи. Его мечта должна реализоваться в мире, вне Бога. Для Декарта понятие Бога необходимо в теоретическом отношении, но не в эмоциональном, он вне сферы любви. «Это как если бы Бог был для него первопричиной и средством, не будучи целью» [*Ibid.*: 37]. Идеал Декарта не в вечности, а в земной, здешней жизни.

Великий рационалист, по мнению Л. Лабертоньера, подхватывает задачу Прометея, «задачу в высшей степени человеческую», концентрирующую все усилия людей на окружающем материальном мире. Тем самым он дистанцируется и от античных философов, призывавших к покорности судьбе, и от христианских мистиков, искавших смысл жизни в единении с Богом. Лабертоньер уподобляет Декарта такому сыну, который, получив от отца некое владение, сосредоточен на собственных делах, не испытывая потребности в возвращении в отчий дом. Реализация картезианской мечты могла бы привести лишь к тому, что новоявленные господа природы оказались бы вовсе чуждыми стремлениям к небесному, поглощенные своими земными радостями и достижениями. Само понятие загробного существования утратило бы в подобных усло-

виях всякий смысл. Конечно, сам Декарт, по Лабертоньеру, был далек от принятия такого рода установки, но она естественно должна была прийти на ум тем, кто следовал за ним в последующие эпохи. Изолируя и возвеличивая свободную науку, Декарт, сам того не замечая, «смертельно ранил» свою надежду на небесную жизнь. Рассчитывая всего лишь добавить науку к религии, отведя ей собственную независимую сферу, он силой обстоятельств был приведен к тому, чтобы способствовать замене одной на другую. В сердцах многих религия, сохраняя свое формальное значение, утрачивала подлинную суть. «Его оправдание сверхъестественного заключало, следовательно, на самом деле его вытеснение» [Labert-honnière 1935, v. I: 59]. Декарт изобрел и предоставил человечеству способ, поклоняясь Богу, признавая зависимость от него, вместе с тем ускользать от постоянного с ним контакта. Обосновывая широкое поле деятельности самодостаточной науки, он как бы отстранял Бога от решения человеческих проблем. Создатель человека выглядел отсутствующим в той области, где людям полагалось рассчитывать на свои силы. Если Декарт и видел Бога, то не такого, который вызывает любовь у людей своей бесконечной добротой. Для него Бог – прежде всего могущество, внушающее уважение, но и желание отдалиться, идти самостоятельным путем. Лабертоньер настаивает, что именно внушающий любовь Бог всегда был предметом устремлений человека для всей христианской традиции.

По мнению автора «Исследований о Декарте», великий рационалист унаследовал от христианства «глубокое и живое чувство» безграничных возможностей человека, которые присутствуют в нем вопреки всем препятствиям и обстоятельствам. В этом смысле он был христианским философом. Но сам способ раскрытия человеческих возможностей, найденный и защищаемый им, приводил к натурализму, дистанцирующемуся от всякой религии. Соответственно для многих последующих философов Бог представлялся как «препятствие мысли и действию». Его пытались поместить в области непознаваемого, как можно дальше от человека. Конечно, не Декартом были созданы предпосылки для отрыва науки от религии, он придал завершённую теоретическую форму тенденциям своего времени. Самому же Л. Лабертоньеру преодоление послед-

ствий «прометеевского» увлечения человечества, освобождение от них казалось важной философской задачей.

Различные аспекты мировосприятия Лабертоньера, напрямую определившие в том числе и его видение историко-философского процесса, в той или иной форме, в разных контекстах, но достаточно точно были отмечены целым рядом исследователей. В частности, Эмиль Брейе не без основания подчеркивал главный мотив его картезианских штудий: «Единственный замысел Лабертоньера был в том, чтобы потребовать у Декарта ответа на вопрос: каким было его духовное отношение к жизни? И он возобновляет, в целом, против Декарта все упреки Паскаля и особенно в отсутствии всякой внутренней религии и мирском употреблении идеи Бога» [Bréhier 1965: 64–65]. Жан Лакруа отмечает: «Неистовость выпадов Лабертоньера рождалась из его концепции философии и христианства. Идея христианской философии не только для него философия христианства, но именно христианство как наша философия» [Lacroix 1984: 1468].

Поль Бейверер относит к важнейшим мировоззренческим установкам Лабертоньера положение о том, что «индивиды, в действительности – с их требованием автономии и их стремлением к общности, – являются реальностью по преимуществу и имеют свое основание бытия в творческой щедрости Бога, который есть последняя основа их единства» [Beillevert 2001: 870]. Он же достаточно справедливо отмечает: «Конкретная метафизика, по сути этическая, философия Лабертоньера, главная ось которой в отношении сознания к Абсолюту, вместе имманентному и трансцендентному, естественно открывается религиозному измерению точно так же, как и историческому» [Idem 1992: 2582].

Как представляется с позиции сегодняшнего дня, можно говорить о сильных сторонах историко-философской концепции Лабертоньера так же, как и о ее слабостях. Прежде всего достаточно плодотворным видится акцент на моральном измерении анализируемых историком философии учений. Важно понимать, какое практическое отношение к миру несет с собой то или иное учение, особенно если это отношение высказывается в завуалированной, имплицитной форме. Этот пункт исследовательской программы сохраняет все свое значение для современных историко-философ-

ских работ. Задача выработки современного отношения к идеям прошлого, оценка их достижений и перспектив, их «жизненности», также принадлежит к числу неотложных. В конечном счете изучение истории философии важно ради того, чтобы быть способными ответить на вопрос: сохраняют ли свою актуальность те или иные концепции в сегодняшнем мире? Вместе с тем вряд ли подход Лабертоньера можно считать «парадигмальным», способным охватить все аспекты современного историко-философского исследования прежде всего потому, что выдвинутая им типология философских учений очевидным образом выступает следствием определенного рода метафизики, далекой от всеобщего признания современным человечеством. Далее, дуалистическая модель историко-философского процесса представляется чрезмерным упрощением реального развития многообразных форм философской культуры. Наконец, стремление свести к «первопринципу» все аспекты той или иной системы может принести плодотворные результаты далеко не во всех конкретных случаях, с которыми сталкивается в своих исследованиях современный историк философии.

Литература

Beillevet P. Laberthonnière // Encyclopédie philosophique universelle. V. III. Les oeuvres philosophiques. T. 2 / Sous la dir. d'A. Jacob. Paris : PUF, 1992. Pp. 2581–2583.

Beillevet P. Laberthonnière // Dictionnaire des philosophes. Paris : Albin Michel, 2001. Pp. 869–870.

Bréhier E. Etudes de philosophie moderne. Paris : PUF, 1965.

Laberthonnière L. Pages choisies. Paris : Vrin, 1931.

Laberthonnière L. Oeuvres. Etudes sur Descartes. T. I–II. Paris : Vrin, 1935.

Laberthonnière L. Oeuvres. Etudes de philosophie cartésienne et premiers écrits philosophiques. Paris : Vrin, 1938.

Lacroix J. Laberthonnière // Dictionnaire des philosophes. T. 2. Paris : PUF, 1984. Pp. 1467–1470.